

Глава 9

Цинь Шу не привык сидеть сложа руки, пока другие трудятся. Хоть он и в жизни не притрагивался к плите, высокий интеллект внушал уверенность: уж в качестве подмастерья он точно сгодится.

Однако стоило ему переступить порог кухни, как его тут же выставили вон общими усилиями.

Ли Суйин преградила ему путь, словно страж:

— Кухня не резиновая, а ты у нас явно белоручка, тяжелее кисти ничего в руках не держал. Нечего тут путаться под ногами и мешать процессу.

Цзянь Синцзя поспешил поддержать её:

— Овощами занимается помощница, нарезка на Суйин. Ты у нас гость редкий, так что иди лучше развлекай учителя и его супругу беседой.

— Иди-иди, Сяо Цинь, посмотри на работу своей Шиму, — позвал из гостиной Хэ Миньфан. — Кухня в надежных руках, а если захочешь помочь — впереди еще будет полно возможностей.

Делать было нечего, и Цинь Шу поддался на уговоры учителя, который увлек его в кабинет.

Супруга профессора, Син Лань, была довольно известной художницей. Сейчас она предложила юноше оценить свою последнюю работу — изображение пионов.

— С возрастом вкусы меняются, — негромко заметила она. — В молодости я, как и вы, любила всё воздушное и лаконичное, а теперь тянет к буйству красок и густым мазкам.

Впрочем, в её голосе слышалось явное удовлетворение — Син Лань явно гордилась своим творением.

Цинь Шу внимательно изучил полотно. Это не была классическая гохуа в строгом понимании; автор умело вплела в композицию современные приемы, добившись необычайной сочности цвета.

Пионы с их пышными махровыми лепестками со времен династии Тан считались символом процветания и знатности. Картина Син Лань идеально передавала этот дух.

Цинь Шу на мгновение задумался, подбирая слова:

— В этом свитке вам удалось передать не только изящество формы, но и саму душу пиона. Использование густой палитры в сочетании с мягкими переходами туши создает удивительное ощущение фактуры. Наслоение оттенков придает бутонам объем, кажется, будто лепестки вот-вот затрепещут.

Он сделал шаг ближе, указывая на детали:

— Тонкая игра света и тени оживляет картину. Несмотря на сложность и многослойность соцветий, общая композиция, выстроенная по принципу зигзага, связывает все элементы в единый поток. Это подчеркивает главную тему — торжество жизни и изобилия. А гармония между цветами и листвой завершает образ, делая его абсолютно целостным.

Син Лань не ожидала, что Цинь Шу так глубоко разбирается в живописи. Его точные и профессиональные замечания окончательно расположили её к себе.

Слово за слово, разговор зашел о каллиграфии. Узнав, что юноша владеет кистью, хозяйка дома во что бы то ни стало вознамерилась получить образец его почерка.

Цинь Шу ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Напитав ворс густой тушью, он уверенным, летящим движением вывел на бумаге четыре крупных иероглифа: «Цветение приносит богатство».

Мастерство исполнения заставило супругов замереть в изумлении. Син Лань обернулась к мужу:

— Лао Хэ, ты и впрямь отыскал настоящее сокровище.

Хэ Миньфан, охваченный азартом, принялся нахваливать работу. Такой почерк был достоин великих мастеров прошлого. Оказалось, Цинь Шу не просто талант — он был универсален во всём. Профессор невольно подумал: если старики из ассоциации каллиграфов увидят эти строки, они костями лягут, лишь бы переманить парня к себе.

На радостях Хэ Миньфан сам взялся за кисть и набросал четверостишие:

Облачный шелк источает красу, в окна сиянье стучит.

Пьянит аромат, и в чистой росе мирозданье молчит.

Закончив, он протянул кисть ученику:

— Теперь твой черед!

Цинь Шу воспринял это как своеобразный экзамен и в ответ написал строки под названием «В споре с цветами»:

Краса неземная затмила цветы, нектар драгоценный блестит.

Бутона, словно чаша из яшмы, в зари небесах расцветет.

Хэ Миньфан громогласно рассмеялся:

— «Бутона, словно чаша из яшмы, в зари небесах расцветет»... Чудесно! Просто великолепно!

На его возглас прибежала Ли Суйин. Бросив нарезку, она поспешила взглянуть, что вызвало такой восторг, и тут же попала под горячую руку учителя.

— Суйин, иди-ка сюда! Посмотри, как пишет твой младший брат.

Ли Суйин, будучи специалистом по классике, выдала целую тираду изысканных комплиментов, но в конце профессор огорошил её:

— Раз так — напиши и ты что-нибудь.

Старшая сестра чуть не расплакалась:

— Учитель, пощадите бедную ученицу!

Син Лань мягко заступилась за неё:

— Да ладно тебе, Хэ, пусть напишет хотя бы простенькое шуточное стихотворение.

Припертая к стенке, Ли Суйин нехотя вывела свои строчки:

Пион расцвел, как блюдо из нефрита,

Красив и строен, смотрит деловито.

Среди цветов богиней он стоит,

И каждый славить этот вид спешит.

Хэ Миньфан взглянул на это нагромождение «красивых слов» и на почерк, напоминающий каракули испуганного дождевого червя. Сердце профессора облилось кровью от досады.

— Иди, — простонал он, — позови своего старшего брата.

Ли Суйин упорхнула с видом спасенного грешника, не забыв бросить на Цинь Шу многозначительный взгляд, полный немой упрёк: мол, «вот до чего ты меня довел».

Цинь Шу остался невозмутим. Если старшая сестра пренебрегала каллиграфией, его вины в том не было.

В кабинет вошел Цзянь Синцзя. С лопаткой в руках и в фартуке, он выглядел как образцовый семьянин.

— Учитель, Суйин сказала, вы меня звали?

Хэ Миньфан возлагал на этого ученика большие надежды:

— Сегодня мы вчетвером состязаемся в поэзии на тему пионов. Все уже отметились, остался только ты.

Синцзя мельком глянул на исписанные листы и сразу понял, где труды мастера, а где — «шедевр» Суйин. На фоне изящных строк учителя и младшего брата её писанина выглядела плачевно. Сам Синцзя, хоть и был человеком книжным, к каллиграфии кистью относился с прохладой — его почерк был средним. Не желая позориться, он взял обычную ручку и набросал свои строки:

Весенний дождь пролился в час цветенья,

Развеял ветер нежный аромат.

Красавиц танец, платьев колыханье —

Затмили блеск, что дарит вешний сад.

Увидев работу старшего ученика, Хэ Миньфан, чей эстетический вкус был изрядно подпорчен стихами Суйин, наконец-то выдохнул с облегчением.

— Ну всё, — махнул он рукой, — иди доваривай.

Чем больше профессор смотрел на младшего ученика, тем больше радовался. Он похлопал Цинь Шу по плечу:

— Твои старшие совсем обленились. Похоже, только на тебя одна надежда — не дашь нашей школе кануть в неизвестность!

Син Лань, не выдержав, подала мужу знак:

— Остынь уже. Вот поднимет Суйин бунт, посмотрю я на тебя.

Хэ Миньфан тяжело вздохнул:

— Ох, горе мне с моими учениками...

Губы Цинь Шу тронула едва заметная улыбка. Учитель был на редкость забавным человеком, соученики — душевными людьми. А еще были Лян Вэйдун, Чу Лянмин и... тот самый человек, который стал для него важнее всех. Цинь Шу чувствовал, как его связи с этим миром становятся всё крепче и теплее.

В одиннадцать часов обед был подан. Кулинарный талант Цзянь Синцзя оказался неоспорим — блюда манили не только ароматом, но и безупречным видом.

Профессор Хэ не терпел излишнего формализма:

— Это наш семейный обед, так что без церемоний! Налегайте!

Ли Суйин положила себе половинку тушеной свиной ножки и тут же принялась расхваливать её Цинь Шу:

— Старший брат привез их из дома, сам мариновал. Пропитались идеально. Не попробуешь — будешь жалеть всю жизнь.

Обычно Цинь Шу избегал подобных блюд в гостях, считая процесс их поедания не слишком изящным. Но раз уж даже Ли Суйин — девушка! — без тени смущения взялась за угощение, ему не пристало ломаться. Он положил кусочек себе в чашу.

Мясо оказалось нежнейшим, оно буквально таяло во рту и легко отделялось от кости. Насыщенный вкус и отсутствие лишнего жира — Синцзя и впрямь превзошел все ожидания.

Ли Суйин, расправившись со своей порцией, не без гордости добавила:

— Видишь, я не обманула! В свое время старший брат именно этими ножками и покори́л сердце нашей невестки.

Услышав это, Хэ Миньфан решил дать наставление младшему:

— В наши дни умение готовить — огромный плюс для мужчины. Если будет желание, пообщайся со старшим братом, он научит.

Цинь Шу прислушался к совету и вежливо отозвался:

— В таком случае, буду признателен за помощь, старший брат.

Цзянь Синцзя с готовностью согласился:

— Без проблем. Порой стоять у плиты куда интереснее, чем корпеть над книгами.

Заметив, как вытянулось лицо учителя, он поспешил поправиться:

— Я имею в виду, что в кулинарии результат виден сразу, если приложить старание. В науке же всё иначе: там одного усердия мало, нужен еще и божий дар. Но у тебя, младший брат, талант исключительный, так что и с наукой, и с кухней ты справишься играючи.

Хэ Миньфан лишь молча сокрушался. Один его ученик мастерски заговаривал зубы, другой — грезил о кастрюлях. Оставалось лишь надеяться, что младший не собьется с пути истинного.

Если бы профессор знал, что его любимчик уже всерьез подумывал бросить аспирантуру ради любви, его бы наверняка хватил удар. К счастью, он этого не знал.

Обед проходил в теплой, непринужденной атмосфере. Син Лань подала фруктовый чай, и беседа потекла о разных житейских пустяках и забавных случаях.

Внезапно телефон Цинь Шу ожил. Звонил Чэнь Шан. Цинь Шу поспешно сбросил вызов и открыл мессенджер, собираясь вкратце описать ситуацию.

***

Тем временем на другом конце города Чэнь Шан мрачно сверлил взглядом экран смартфона.

Это были их первые выходные после того, как они официально стали парой. Он заранее распланировал каждую минуту, мечтая провести эти два дня в объятиях Цинь Шу, не расставаясь ни на миг.

Но с самого утра его вызвал к себе старший брат. И первым же вопросом Чэнь Чи было:

— Ты что, влюбился?!

В глазах брата Чэнь Шан всегда оставался наивным ребенком, которого легко обмануть. Скрывать отношения Чэнь Шан не собирался, просто хотел дождаться момента, когда у них всё окончательно устоится. Родители ушли рано, и брат, по сути, заменил ему отца. Чэнь Шан опасался, что если признаться слишком рано, брат может встать на дыбы и запретить им видеться.

Но раз уж вопрос был задан в лоб, Чэнь Шан признался во всём с гордо поднятой головой.

Чэнь Чи спрашивал наудачу, и ответ его просто ошарашил. Любимый младший брат и впрямь завел роман, да еще и сиял при этом от нескрываемой гордости.

Сердце старшего брата разрывалось от досады. Чему ты радуешься, глупый малый? Твою грядку уже всюю топчет какой-то кабан, а ты и доволен?!

Знай он, что его брат сам переживает, почему «кабан» не спешит топтать его «капусту», его мучения стали бы еще сильнее.

Чэнь Чи понимал, что брат уже взрослый и удерживать его силой глупо. Он заставил себя успокоиться и спросил как можно мягче:

— И давно это у вас? Как-то всё слишком внезапно.

Чэнь Шан не хотел вдаваться в подробности:

— Да вот, только на этой неделе познакомились. Любовь не спрашивает, когда приходить. Что я мог сделать?

Дальше последовал стандартный допрос, через который проходит любой «родитель». Чэнь Чи жаждал знать о Цинь Шу всё, вплоть до родословной. Лишь появление невестки и маленького племянника спасло Чэнь Шана от дальнейших пыток.

Заметив, что брат потянулся за ключами от машины, Чэнь Чи бросил:

— Мы так редко собираемся вместе, останься пообедать.

Но Чэнь Шан и ухом не повел. Позвякивая ключами, он направился к выходу, не удержавшись от хвастовства:

— У меня свидание! — Игривые нотки в его голосе еще долго эхом отдавались в ушах старшего брата.

Едва добравшись до парковки, Чэнь Шан набрал номер Цинь Шу. К его неописуемому возмущению, вызов сбросили после второго же гудка. То, что Цинь Шу сам не позвонил ему с утра, уже подпортило Чэнь Шану настроение, но он списывал это на его замкнутость.

Но это?! Цинь Шу посмел сбросить его звонок! Гнев мгновенно вспыхнул в его груди.

Он набрал номер снова. Если этот чурбан и сейчас не ответит, он об этом горько пожалеет.

Цинь Шу взглянул на экран, где мигали кнопки приема и сброса. Под любопытными взглядами присутствующих он наконец нажал «ответить».

Едва установилась связь, Чэнь Шан набросился на него с обвинениями:

— Я же говорил тебе: никогда не смей сбрасывать мои звонки! Ты что, забыл?

Голос из трубки был настолько громким, что Цинь Шу не сомневался: его услышали все. По тому, как резко замерла Ли Суйин, стало ясно — она точно в курсе.

— Я сейчас у своего наставника, — попытался объяснить Цинь Шу.

Но для Чэнь Шана это прозвучало как нелепая отговорка:

— И что, у наставника нельзя трубку взять? Ты за всё утро не нашел и минуты, чтобы черкнуть мне хоть слово?!

Цинь Шу понимал, что нарушил обещание и поступил некрасиво. Но болтать с парнем, сидя за столом у профессора, было еще менее уместно.

Ли Суйин понимающе тронула его за плечо и указала на балкон. Цинь Шу вежливо извинился перед Хэ Миньфаном и вышел на свежий воздух.

Он честно рассказал, почему не выходил на связь.

Но ярость Чэнь Шана было не так легко унять:

— С шести утра ты там торчишь! У тебя было прорва времени, неужели нельзя было написать? Кого ты пытаешься обмануть?

«Мне незачем лгать, — пронеслось в голове Цинь Шу. — Скорее призраки начнут водить тебя за нос, чем я». Эта мысль помогла ему справиться с раздражением, вызванным властным тоном Чэнь Шана.

Слыша его частое, прерывистое дыхание, Цинь Шу лишь вздохнул. И как только можно так заводиться на пустом месте? Гнев ведь укорачивает жизнь, а с таким характером и до старости не дотянешь.

— Ну полно, — мягко произнес Цинь Шу. — Я виноват, признаю. Времени и впрямь не было, я не лгу тебе. Я как раз собирался написать сообщение, когда ты перезвонил.

Цинь Шу редко говорил так много, да еще и таким вкрадчивым, бархатным голосом. Гнев Чэнь Шана тут же начал остывать, но он еще пытался храбриться:

— Так значит, это я еще и виноват остался?

Цинь Шу уже начал понимать, как усмирить этот строптивый нрав. Его тон стал еще нежнее:

— Моя вина. Что мне сделать, чтобы ты сменил гнев на милость?

Чэнь Шан уже почти поверил ему, но напоследок решил проверить:

— Раз ты утверждаешь, что ты у наставника — включи видео. Я хочу это видеть.

<http://bllate.org/book/16121/1582305>